

Маяковский ВР

29/IV 88

Лит. Россия. - 1988. - 29 апр.

«НАВЕЛИ хрестоматийный глянец», — негодуя отзывается Маяковский о пушкинистах в 1924 году. И злыми штрихами в том же стихотворении набрасывал портрет одного из усердствующих по части глянца: «Старомозгий Плюшкин, перышко держа, ползет с перержавленным». Думал ли Маяковский, что спустя время легион «старомозгих» маяковсковедов наведет на него самого такой ослепительный глянец, от какого нестерпимо станет глазам, зрению — как наружному, так и духовному? Предполагал ли, что державная резолюция — «лучший и талантливый» — чудодейственным образом обернет восторженных хулителей и гонителей в восторженных почитателей и фанатичных поклонников, сменивших дубины и дубинки на брандспойты с патокой и лаком?

Конечно, не думал и не предполагал. Но факт остается фактом: пожалуй, ни один из советских классиков так не зацитирован, как зацитирован Маяковский, ни одного советского поэта так утилитарно и универсально не приспособляли к текущему моменту, как приспособляли Маяковского. Немудрено, что такой, представленный таким Маяковский нередко плохо ложился на человеческую душу, а то и вовсе проходил мимо души или навевал на нее тоску и уныние.

Все это я к тому, что в новой своей, только что вышедшей книге Ал. Михайлов должен был учитывать подобное восприятие, опровергнуть которое можно не иначе, как соскочив многослойный лак с иконописного портрета, вернув лаковому лику Маяковского человеческое лицо, — то есть побудить читателя любить поэта, как выразился об этом сам Маяковский, «живого, а не мумию». Ломать уже сложившиеся стереотипы очень нелегко, тем более что Ал. Михайлов имел дело с легендами, отстоявшимися во времени. И все же думается, что в основном биограф достиг своей цели: его герой предстал перед читателем не бравым и могучим полководцем, прозревающим ослепительную свою посмертную судьбу, но человеком легкоранимой души, которому очень нередко бывало плохо, худо и даже невыносимо, человеком, порой терявшим жизненную опору и далеко не всегда находившим ее у знакомых, друзей, у тех, кого он любил...

Впечатляет, к примеру, внушительный список приглашенных Маяковским на открытие его юбилейной выставки.

Но куда больше, чем сам список, впечатляет тот факт, что «почти никто из приглашенных не пришел». «Это было похоже на бойкот», — резюмирует Ал. Михайлов. Возможно. Но мне кажется, что еще больше это походило на прилюдное одиночество, так пронзительно заявившее о себе в опущенной впоследствии Маяковским концовке его стихотворения «Домой!»: «Я хочу быть понятой моей страной, а не буду понятой — что ж. По родной стране пройду стороной, как проходит косой дождь».

Надо представить себе деятельное участие Маяковского в том, что он называл «моей страной», вдуматься в знаменитые его строчки: «Это было с бойцами, или страной, или в сердце было в моем, чтобы понять, каких мук стоило ему открывающееся будущее: «по родной стране пройду стороной». Ведь он в своей поэзии апеллировал даже не к читателю, а к слушателю, к уличной массе: «Послушай-

Ал. Михайлов. «Маяковский». Издательство «Молодая гвардия». Серия «ЖЗЛ». 1988. 588 стр. 2 руб. 50 коп.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

«Вечный вне школ и систем...»

те!» — назвал он одно из первых стихотворений, а во вступлении к поэме «Во весь голос» взывал: «Слушайте, товарищи поэты...»; да и что такое знаменитая его «лесенка», как не запечатленный графически ораторский жест? И вот: «не буду понят — что ж... пройду стороной»...

Как известно, снять эти строчки Маяковскому посоветовал Осип Брик. И все же, подчеркивая это, Ал. Михайлов, по-моему, как бы не принимает в расчет воли самого поэта. О. Брик был далеко не самым добрым гением в жизни и творчестве Маяковского. Но и тот, конечно, не был безвольной игрушкой в руках Брика. Скорее всего, что, выразившись в стихах до конца, Маяковский отсек от них то, с чем не хотел выходить на люди. Не хотел посвящать читателя во внутреннее свое одиночество, в предчувствие грядущего своего разлада с теми, на чье понимание надеялся...

Другое дело, что, возводя утилитарность в одно из главных достоинств искусства, О. Брик (да и не один он) дезориентировал Маяковского. И здесь нельзя не согласиться с суровой оценкой Ал. Михайловым иных заявлений и действий левовского теоретика. Тем более, что, в отличие от многих писавших о Маяковском, Ал. Михайлов без восторга относится к его работе в «Окнах РОСТА» или в рекламе. Ибо, по глубокому убеждению Ал. Михайлова, «Маяковский — лирик». «По складу своей души, по самой строчечной сути», — характеризует он лиризм Маяковского асеевскими стихами. И добавляет:

«А он расходовал себя без оглядки, хотя сознавал: приходит «страшнейшая из амортизаций» — амортизация сердца и души», — расходовал на планеты, агитки, рекламу — на самую черновую работу, на «производство», утверждая, что именно это на сегодняшний день и есть самое главное, что этим и надлежит заниматься искусству».

Я тоже считаю, что лиризм — сильнейшая сторона дарования Маяковского, что он вошел в сокровищницу нашей поэзии прежде всего строками о любви, которую он всякий раз переживает бурно и трагически. Так что внутренний драматизм Маяковского, тот, о котором он сам сказал: «...я себя смирял, становясь на горло собственной песне», раскрыт Ал. Михайловым абсолютно верно. И все же не он, не внутренний драматизм поэта, стал движущей сюжетной пружиной книги Ал. Михайлова. Отдадим должное биографу, который не ограничился констатацией очевидного или полувидимого, но устремился в глубь проблемы, открывая то, что до него вовсе не было очевидным:

МАЯКОВСКИЙ

«Разгадка любой жизни в причинной связи деяний и обстоятельств... Маяковский создавал и усложнял себе обстоятельства тем, что постоянно и активно действовал. Он жил в свое время, успевал вникать во все, тратил себя не жалел».

Думаю, что такой вывод дорогого стоит. И потому, что формулирует сущность лирического характера Маяковского. И потому еще, что раскрывает смысл его кипучей, страстной жизни, устанавливает причинные связи с ней поэта, те связи, которые Маяковский оборвал по собственной воле.

Создавая и усложняя себе обстоятельства, герой книги Ал. Михайлова привык их преодолевать, неизменно их преодолевает и откажется их преодолевать, когда созданные им обстоятельства станут туловыми, выхода из которых он не найдет.

Маяковский в книге Ал. Михайлова — фигура романтическая и трагическая одновременно.

Сердце Маяковского было широко открыто действительности революционных преобразований, действительности, которая представлялась поэту романтической. Чуткий сын своего времени, он, быть может, раньше других уловил перемены в нем, уловил перемены в той действительности, какую воспевал и через призму которой надеялся разглядеть будущее (вспомним: «Отечество славлю, которое есть, но трижды — которое будет»). Новая реальность требовала нового освоения и осмысления. Лучшее свидетельство изживания в себе романтики — замысел Маяковского написать поэму «Плохо». Да и смысл его сатирических пьес — «Клопа» и «Бани», — их нескрываемая антибюрократическая направленность тоже весьма красноречивы. Недаром именно на сатиру Маяковского особенно яростно нападали в последние годы жизни поэта рефовцы и рапповцы.

Маяковского пытались обуздать, его творчество — цензурировать. Из уже опубликованного при переиздании изгоняли то, что оказывалось не в духе нового времени. Например: «Слушайте голос Рыкова, народ его голос выковал! В уши наймита и барина лезьте слова Бухарина...». Но в том-то и дело, что Маяковский не был конъюнктурщиком, не мог им быть, не мог писать в угоду чьей бы то ни было личной воле.

В 1929-м, за год до самоубийства, ему отказывают в выездной визе за границу, хотя до этого он выезжал туда беспрепятственно.

1929 — год великого перелома — начало оформления новой реальности, в

которую Маяковский так и не смог вписаться...

Правда, лет пятнадцать назад было высказано мнение, что вовсе не укреплением бюрократического аппарата и не ужесточением в связи с этим выездных требований объясняется отказ Маяковскому в визе, что его поездка в Париж была сорвана Бриками, якобы располагавшими сведениями, что Маяковский едет туда за Татьяной Яковлевой, в которую влюбился за год до этого и на которой собирался теперь жениться.

Ал. Михайлов этого категорически не утверждает. Но и его привлекает версия о сорванной благодаря интригам Бриков женитьбе Маяковского.

Это его настолько привлекает, что он даже в важнейшие «Основные даты жизни и творчества В. В. Маяковского» внес «знакомство... с Т. А. Яковлевой» и не внес туда ни знакомства поэта с Л. Ю. Брик, ни его знакомства с В. В. Полонской.

Но ведь это — в нарушение предсмертной воли Маяковского, его завещания: «...моя семья — это Лилия Брик, мама, сестры, и Вероника Витольдовна Полонская».

А еще раньше — в собственной биографии — Маяковский писал: «Июль 1915-го года. Знакомлюсь с Л. Ю. и О. М. Бриками». «Радостнейшая дата», — озаглавил поэт эту запись.

Не говорю уже о том, что Т. Яковлева через год после знакомства с Маяковским и чуть ли не сразу после известия, что тот в Париж не придет, благополучно вышла замуж за другого...

Но даже не в этом дело. Сам же Ал. Михайлов в своей книге хорошо, убедительно показал, как порывисто, горячо увлекался Маяковский женщинами и как быстро остывал, сохраняя, впрочем, к бывшей возлюбленной дружеское расположение.

Досадно, что в случае с Т. Яковлевой объективность изменила биографу.

Досадно также было прочесть у Ал. Михайлова о подаренном Маяковским Пастернаку первом издании поэмы «Хорошо!»: «Книга эта при жизни Пастернака была обнаружена у букиниста...».

Ведь не корысти же ради продал ее букинисту Пастернак, человек, судя по воспоминаниям о нем, редкого бескорыстия? И он ли ее продал? А что если эта книга пропала у Пастернака и ее снес в букинистический кто-нибудь другой?

Увы, на все эти закономерно возникающие недоуменные вопросы ответа в книге Ал. Михайлова мы не найдем. Он свое сообщение никак не комментирует. А зря, по-моему.

Но, не забывая о недостатках книги, будем помнить о ее достоинствах. И в первую очередь — о главном ее достоинстве.

Тот же Пастернак писал о Блоке:

Проставленный не по программе И вечный вне школ и систем, Он не изготовлен руками И нам не навязан никем.

Таким же вышел и Маяковский у Ал. Михайлова: вышел выламывающимся из привычных, навязанных нам представлений о нем, вышел «вечным вне школ и систем». И это — главное достоинство жезлаевской книги.

Геннадий КРАСУХИН